

УДК 81-112

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.А. ДМИТРЕВСКОГО: ДОМИНАНТА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

КОРНИЛОВ Николай Викторович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу лингвистического наследия Александра Алексеевича Дмитревского, полузабытого отечественного педагога и филолога второй половины XIX века, преподавателя гимназии г. Коруча Курской губернии (ныне – Белгородская область). С своей работе «Практические заметки о русском синтаксисе» он подробно рассматривает актуальный для современного языкознания вопрос о грамматической доминанте предложения. А.А. Дмитревский, «разжаловав» подлежащее в дополнение, полагает, что главным членом предложения является только сказуемое. Подобный вывод позволяет считать автора «Практических заметок о русском синтаксисе» одним из основоположников предикато-центризма (вербоцентризма) в отечественной синтаксической науке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Дмитревский, предложение, члены предложения, подлежащее, сказуемое, доминанта предложения.

FROM LINGUISTIC HERITAGE OF A.A. DMITREVSKY: THE DOMINANT OF THE SENTENCE

Kornilov N.V., Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of the linguistic heritage of Alexander Alekseevich Dmitrevsky, a half-forgotten Russian teacher and philologist of the second half of the 19th century, a teacher of the Korch school of the Kursk province (now the Belgorod region). In his work "Practical notes on the Russian syntax," he reviews the currently important for modern linguistics question of the grammatical dominant of the sentence. A.A. Dmitrevsky, "demoting" the subject to the object, believes that the main sentence part is only a predicate. This conclusion allows us to consider the author of the "Practical Notes on the Russian Syntax" one of the founders of predicatocentrism (verbo-centrism) in the domestic syntactic science.

KEY WORDS: Dmitrevsky, sentence, sentence parts, subject, predicate, dominant of the sentence.

Концепции членов предложения таких известных представителей отечественной академической науки о языке, как Н.И. Греч (1787–867), А.Х. Востоков (1781–1864), Ф.И. Буслаяв (1818–1897), А.А. Потебня (1835–1891), неоднократно привлекали к себе внимание историков лингвистической мысли. Однако до сих пор остаются полузабытыми многие плодотворные идеи педагогов, работавших в провинции. К их числу принадлежит **Александр Алексеевич Дмитревский** – преподаватель и филолог второй половины XIX века, работавший в гимназии г. Коруча Курской губернии (современная Белгородская область). В своих статьях под общим заголовком «Практические заметки о русском синтаксисе», опубликованных в журнале «Филологические записки» (Воронеж, 1877–1878), и монографии под тем же названием (Воронеж, 1878 и Москва, 1882) он высказал ряд не всегда бесспорных, но в большинстве своём оригинальных соображений о сущности предложения и его членении, инициировал полемику по основным вопросам синтаксиса, значительно опередив своё время.

Широкой научной общественности, к сожалению, пока не известны подробные сведения о семье, образовании и педагогической деятельности А.А. Дмитревского. Кроме того, дата рождения и дата смерти педагога требуют уточнения с привле-

чением соответствующих архивных данных (подробно см. [12]).

А.А. Дмитревский заявляет, что в синтаксисе предложение не имеет «правильного, истинно грамматического определения» [10, с. 4]. Он даёт следующую образную (динамическую) характеристику предложения: «...Предложение есть драма, представление мысли посредством слова, которое является как бы актёром того действия, которое есть мысль; напротив, логическая мысль есть как бы эпос мысли, рассмотрение совершившегося процесса её, как эпос – рассказ о прошедшем событии... Предложение ... есть плоть и кровь мысли, пластика мысли» [10, с. 13–14]. И далее: «Если предметы, составляющие дополнение, как бы напоминают собою действующих лиц сцены, от взаимодействия которых рождается в говорящем, как в зрителе, та идея, которая выражается сказуемым, то обстоятельство представляет собой самую сцену, на которой совершается драма мысли, выражаемой предложением» [10, с. 77–78].

Следует отметить, что сравнение грамматического предложения с театральным представлением можно найти в «Основах структурного синтаксиса» (1959) Л. Теньера (1893–1954) [21, с. 117], который нигде не упоминает статьи А.А. Дмитревского.

В «Практических заметках о русском синтаксисе» находим и другое определение предложения: «Такое слово или такое сочетание слов, которое выражает (предлагает) мысль, называется предложением» [10, с. 15]. Сам

© Корнилов Н.В., 2017

А.А. Дмитриевский понимал, что это определение предложения «не ново». Оно, по его мнению, восходит к «Русской грамматике» (1831) А.Х. Востокова (см. [6, с. 116]).

В современной синтаксической науке до сих пор продолжает обсуждаться вопрос о доминанте (вершине) предложения. Можно найти несколько подходов к решению этой проблемы, среди которых обычно выделяют три основных. Для одних лингвистов (О.С. Ахманова, Б.Н. Головин, П.А. Лекант) доминантой предложения является подлежащее, поскольку в структурном плане оно представляет собой независимую словоформу в именительном падеже, с которой, как правило, формально согласовано сказуемое [1, с. 329; 7, с. 199; 13, с. 23, 46, 111]. Другие языковеды (И.П. Распопов, А.М. Сухотин, А.А. Холодович), напротив, полагают, что сказуемое доминирует над подлежащим. Такой подход обычно аргументируется тем, что сказуемое является предельным минимумом предложения, без которого последнее невозможно, за исключением случаев, когда спрягаемая форма глагола (*verbum finitum*) опущена в предложении или перед нами номинативная конструкция типа «Ночь», «Вот и зима» [18, с. 164; 20, с. 153; 23, с. 297]. Наконец, некоторые исследователи (В.А. Белошапкова, В.Б. Касевич, Н.С. Поспелов) утверждают, что компоненты грамматической основы оказываются равноправными и взаимозависимыми [19, с. 560–561; 11, с. 93; 16, с. 299–300].

Эти три подхода к проблеме иерархической вершины предложения не являются исчерпывающими (другие точки зрения встречаем в [25]), они не лишены недостатков, перечень которых находим в [3; 23; 25].

Примечательно, что одну из частей своей большой статьи и монографии А.А. Дмитриевский назвал следующим образом: «Два ли главных члена в предложении?». Проблема доминанты предложения живо интересовала педагога, справедливо считавшего, что если отождествлять грамматическое предложение с логическим суждением, то придется ответить положительно на поставленный в заголовке вопрос. Подлежащее соответствует субъекту суждения (S), а сказуемое – предикату (P).

Однако, как полагает А.А. Дмитриевский, «лишь дело коснется рассмотрения состава предложения и начнётся приведение примеров, между коими попадётся на грех безличное предложение, тогда наши составители учебников грамматики поднимут такую разногласицу, что невольно при этом вспомнишь басню Крылова про лебедя с братией» [10, с. 17].

Ф.И. Буслаев, допускавший в русском языке «предложения, состоящие только из сказуемого, всё-таки в подтверждение догмата, что в предложении два главных члена, опирается на неявно обозначенное подлежащее и в нём видит выход из затруднения, и предложения с одним сказуемым являются у него в то же время и с подлежащим» [10, с. 17].

А.А. Дмитриевский считает, что «сказуемое есть неограниченный властитель, царь предложения: если есть в предложении, кроме него, другие члены, они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение; если нет их, даже подлежащего, сказуемое само собой достаточно выражает мысль и составляет целое предложение» [10, с. 24]. Другими словами, для А.А. Дмитриевского «само предложение есть не что иное, как сказуемое, или одно, или с приданными ему другими членами» [10, с. 24].

А.А. Дмитриевский полагает, что в истории развития арийских языков было две поры – *дофлексивная* и *рефлексивная*. В первый период, по его мнению, язык «творит сказуемое без помощи осо-

бых флексий», поскольку «тут нет никакого отношения ... к лицу», тогда как во второй – лица, времена, наклонения и виды глагола выражаются «особыми присвоенными каждой категории флексиями»¹, причём личные формы сказуемого в это время «не заключают в себе подлежащего, и их личные окончания имеют чисто формальное значение» [10, с. 26–27, 39–40].

«В рефлексивную пору», как считает А.А. Дмитриевский, наблюдается *метафоризм* языка, представляющий собой не лексическое, а грамматическое явление, при котором происходит перенос «какой-либо флексии к значению другой по синтаксическому употреблению» [10, с. 41]. Так, «сказуемое, кроме глагола, может ещё выражаться именем, несобственною и вторичною этимологическою формою сказуемого» [10, с. 41] (Ср.: Мальчик читал книгу». – «Этот мальчик – отличник»). В этом случае имя «получает, так сказать, вербальную природу, или ... спрягаемость» [10, с. 43]. Сюю точку зрения А.А. Дмитриевский подкрепляет ссылкой на мнение А.Х. Востокова, считавшего спрягаемыми формы «на службе сказуемого» («краткие окончания прилагательных и страдательных причастий») [10, с. 43].

Следует отметить, что имя существительное, выступающее в качестве именной (основной) части составного именного сказуемого в предложении типа «Он был (будет, был бы) инженером» в силу своей морфологической природы не может стать подобно глаголу спрягаемой частью речи, в отличие от вспомогательной части, которая изменяется по временам, числам и наклонениям.

По мысли А.А. Дмитриевского, в роли именных компонентов составного сказуемого могут выступать не только имена существительные в именительном падеже («Иван – студент»), как полагал А.А. Потебня [17, с. 132 – 133], но и имена существительные в косвенных падежах с предлогами или без предлогов. Он приводит следующие примеры: «Это зло ещё не так большой руки»; «Слоны в диковинку у нас»; «Все в сборе»; «Он высокого роста»; «Это вам не к лицу»; «Он молодцом»; «Ты не в ударе, не в духе»; «Деньги на исходе» [10, с. 46]. Выделенные словоформы А.А. Дмитриевский также считает спрягаемыми.

Что же касается подлежащего, то оно, по мнению А.А. Дмитриевского, является второстепенным членом предложения, а точнее – главной разновидностью дополнения наряду с прямым и косвенным² [10, с. 34, 36, 61–63, 65, 69, 71, 75]. А.А. Дмитриевский считает, что «из всех дополнений самое ближайшее и непосредственно примыкающее к сказуемому есть подлежащее» [10, с. 69].

Автор «Практических заметок о русском синтаксисе» убеждён, что на подобный синтаксический статус подлежащего имплицитно указывал А.А. Потебня³, который хотя «и не назвал прямо подлежа-

¹ Термин «флексия» А.А. Дмитриевский понимает в широком смысле, включая в него практически все аффиксы (приставки, суффиксы и окончания) [10, с. 39].

² В.С. Храковский находит, что в утверждении А.А. Дмитриевского о наличии трёх типов дополнения (подлежащее, прямое дополнение и косвенное дополнение), «по существу, высказывается мысль об иерархической организации формально однородных и непосредственно зависящих от сказуемого второстепенных членов предложения» [24, с. 160].

³ А.А. Потебня писал: «Мы замечаем, что в арийских языках главное, независимое от другого предложение (кроме случаев опущения) невозможно без глагола в тесном смысле, т.е. за исключением причастных форм и что сам по себе такой глагол составляет предложение. Поэтому, определивши такой глагол, мы тем самым определим minimum предложения этих языков» [17, с. 101].

щее второстепенным членом, всё-таки *minimum* предложения он признаёт в одном сказуемом, а не в сказуемом и подлежащем, которые составляют *minimum* предложения у г. Буслаева и его подражателей» [10, с. 38].

Отметим, что признание подлежащего второстепенным членом предложения, а точнее – одним из видов дополнения, имеет своё основание в истории языкознания: у А.А. Дмитриевского был предшественник – преподаватель русской словесности и логики П.М. Переллесский (1814–1866), который в своей книге «Начертание русского синтаксиса» (1-е изд., 1847 г.) пытался обосновать «второстепенность» подлежащего, руководствуясь логико-семантической аргументацией. Сравнивая подлежащее и сказуемое, он пришёл к выводу, что «из них подлежащее есть член *подчинённый*, а сказуемое – *подчиняющий*», поскольку «сказуемое составляет собственно содержание предложения и выполняет главную цель и задачу суждения – определить частное через общее» [15, с. 6]. Вот почему «нередко целое предложение выражается одним сказуемым, а подлежащее в нём пропускается» [15, с. 6].

Для доказательства «второстепенности» подлежащего А.А. Дмитриевский приводит ряд доводов.

Во-первых, «одно сказуемое требует прежде всего подлежащего» («Свищет соловей, ветер»), «другое дополняется прежде всего родительным падежом» («Не слышно песен на лугах»), «третье – дательным падежом» («Жаль мне»), «четвёртое – винительным падежом» («Его бранят»), «пятое – творительным падежом» («Запахло дётём»), «шестое – предложным падежом» («О пустяках не говорят») [10, с. 31]. Эти примеры, по мнению А.А. Дмитриевского, доказывают, «что как для одного сказуемого ближайшее – подлежащее, так для другого ближайшее – какое-либо из дополнений и столь же важно для него, как подлежащее для первого», поэтому «подлежащее играет столь же второстепенную роль в предложении, как и дополнение» [10, с. 31–32].

Во-вторых, «все грамматики признают подлежащее предметом, наряду с другими предметами, означаемыми прямым и косвенным дополнением». А.А. Дмитриевский считает, что «одно это есть косвенное признание подлежащего не только второстепенным членом, но и одним из видов дополнения» [10, с. 74]. Не случайно начинающие ученики, не обитые ещё с толку «рутинной грамматикой, называют то подлежащее дополнением, то дополнение подлежащим» [10, с. 74]. В предложении «Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь» (А.С. Пушкин) все три предмета («крестьянин», «на дровнях», «путь»), «от взаимного отношения коих возникает в говорящем признак «обновляет», одинаково важны для сказуемого, поскольку «они дополняют его смысл». Например, «отнимите дополнение «на дровнях», и смысл сказуемого затемняется, пожалуй, больше, чем если бы мы отняли подлежащее «крестьянин»; признак «обновляет» преимущественно даёт «новым» орудием езды крестьянина, который до зимнего пути ездил в телеге» [10, с. 74].

В-третьих, А.А. Дмитриевский отказывается признавать подлежащее главным членом предложения на том основании, что с ним согласуется сказуемое. Он приводит следующие аргументы:

1. Согласование сказуемого с подлежащим «не есть общее правило»⁴. Так, в предложении «При-

шли Иван с Петром» «на употребление формы «пришли» влияет подлежащее «Иван» и дополнение «с Петром» [10, с. 32–33]. А.А. Дмитриевский приводит примеры, когда «в народном языке сказуемое может не согласоваться с подлежащим в роде»: «Грех сладко, а человек падко»; «Мёд сладко, а муха падко»; «Лев страшно, обезьяна смешно»; «Зимовая служба – молодцам кручиною, да сердцу надсадко» [10, с. 68]. В предложениях «Мы не в ударе», «Он молодцом», по мнению А.А. Дмитриевского, отсутствует согласование сказуемого с подлежащим, поскольку первое представлено именем существительным в косвенном падеже [10, с. 68]. Кроме того, сказуемое «нередко согласуется помимо подлежащего с дополнением». Так, в предложении «После войны много солдат *не воротились* (курсив мой – Н.К.) домой» выделенное сказуемое «согласуется с дополнением подлежащего «солдат», а не с подлежащим «много» [10, с. 33]. Автор «Практических заметок о русском синтаксисе» считает, что «согласование ... зависит от аттракции сказуемого ... и бывает лишь тогда, когда в сказуемом заключается флексивный признак именительного падежа» [10, с. 68].

2. В предложении «Пришла знакомая, Марья Ивановна», как полагает А.А. Дмитриевский, нельзя признать словоформу *знакомая* грамматически зависимой от обособленного приложения *Марья Ивановна* только на том основании, что первая «согласуется с последним в роде, числе и падеже». Напротив, обособленное приложение *Марья Ивановна* «подчиняется слову «знакомая» [10, с. 33].

В итоге «согласование сказуемого как с подлежащим, так нередко и с дополнением означает не главенство подлежащего, тем менее дополнения, а то, что флексивное сказуемое является со всеми атрибутами, ему необходимыми для аттракции второстепенных членов: являясь с признаками лица, рода, числа и даже падежа, оно как бы раскрывает объятия для тесного примыкания к нему второстепенных членов» [10, с. 33].

А.А. Дмитриевский один из первых обратил внимание на то, что подлежащее и сказуемое могут быть связаны двумя формальными связями⁵. С одной стороны, сказуемое согласуется с подлежащим в числе (S → P) («Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь»), а с другой стороны, сказуемое управляет

В.С. Храковский, отмечали, что морфологический аргумент (согласование сказуемого с подлежащим) в пользу доминанции подлежащего в предложении лишён универсальности. Во-первых, согласование сказуемого с подлежащим может отсутствовать («Книга – источник знания»; «Эти стихотворения – гордость русской литературы»; «Я затыну, а вы не отставай!» [И. Крылов]; «Вкруг её стоит грозная стража, на плечах топорники держат» [А.С. Пушкин]). Во-вторых, некоторые языки (например, древнекитайский) лишены морфологии, поэтому слова в них не имеют форм словоизменения (см. [3, с. 17; 23, с. 296; 25, с. 192–193]).

⁵ В XX веке эту идею развивает В.А. Белашапкина (1917–1996), отмечавшая, что «подлежащее находится не в односторонней зависимости от сказуемого, как формы косвенных падежей (в том числе и с субъектным значением), а во взаимозависимости с ним: не только зависит от сказуемого, которое диктует ему его форму, но и определяет форму сказуемого применительно к «уподобительным» категориям числа, рода и лица» [19, с. 611]. По её мнению, «отнесение подлежащего, находящегося во взаимосвязи со сказуемым, к главным членам оправдано именно тем, что подлежащее участвует в оформлении предикативного центра предложения» [19, с. 611–612].

⁴ В 60–70-е гг. XX века такие советские языковеды, как В.В. Богданов (1930–2008), А.А. Холодович (1906–1977),

именительным падежом подлежащего (S ← P) («Видно село») [10, с. 68–69, 73–75].

Во многом предвосхитив валентностный синтаксис Л. Теньера, А.А. Дмитриевский писал: «Сказуемое, управляя косвенным падежом, управляет и именительным падежом; подлежащее вместе с прямым и косвенным дополнением управляемые, несогласуемые члены предложения; подлежащее есть один из видов дополнения, которое, следовательно, разделяется на номинативное, или подлежащее, аккузативное, или прямое, и косвенное. От природы сказуемого зависит, может ли при нём стоять каждый из этих видов дополнения или нет: одно сказуемое требует всех дополнений: брат принёс ему письмо; при другом сказуемом не может стоять дополнения подлежащего: у нас смеркается рано; его громом убило; мне жаль денег; при третьем сказуемом не может быть дополнения прямого: книга принадлежит брату» [10, с. 68–69].

В-четвёртых, А.А. Дмитриевский считает, что «второстепенность» подлежащего подтверждают примеры, демонстрирующие обратимость подлежащего и дополнения⁶. Ср.: «Я жалею» и «Мне жаль», «me miseret», «es ist mir leid», «je regretted», «il me est dommage»; «Я хочу» и «Мне хочется», «ich will», «je veux»; «Я должен» и «Мне должно», «ich muss», «je dois», «il me faut», «δεί μοι», «me decet» [10, с. 32]. Автор «Практических заметок о русском синтаксисе» полагает, что «здесь нельзя не видеть, что сказуемое одного языка передаётся на другой родственной или перелагается в пределах того же языка не иначе как сказуемым, напротив, подлежащее передаётся и перелагается или подлежащим, или одним из видов дополнения», которое, «в свою очередь, соответствует и в одном и том же и в другом языке или подлежащему, или дополнению» [10, с. 32]. А.А. Дмитриевский задаёт следующий риторический вопрос: если в синтаксической конструкции «Я должен» личное местоимение – главный член предложения, то «почему же в «Мне должно» [курсив мой – Н.К.] (il me faut) мне (me) – второстепенный?» [10, с. 32].

В-пятых, подлежащее является особой разновидностью дополнения на том основании, что обе эти синтаксические категории «отвечают на вопросы однородные, вопросы падежей» [10, с. 62]. С этимологической⁷ точки зрения именительный падеж имеет «нечто общее» с косвенными падежами, «которое проявляется в склонении, едином для всех падежей, и потому-то они получили общее название «падежа» [10, с. 62]. А.А. Дмитриевский считает, что «как этимологическая, так и синтаксическая точка зрения на известную грамматическую форму должны не расходиться между собою, а как бы сосредоточиваться в одном общем фокусе», а точнее – первая точка зрения «основывается» на второй [10, с. 62]. Другими словами, «если в этимологическом отношении именительный падеж не исключается из круга падежей, то и подлежащее, синтаксическое название того же именительного падежа, должно причислить к дополнению, синтаксическому названию падежей» [10, с. 62–63]. Кроме того, подде-

жащее и дополнение выражаются одной и той же частью речи (именами существительными), так что «флексия именительного падежа настолько же не препятствует включению подлежащего в круг дополнения, насколько не помешало косвенным падежам составить вместе категорию дополнения, хотя они и друг от друга так же разнятся, как от именительного падежа» [10, с. 63].

В-шестых, по А.А. Дмитриевскому, подлежащее является второстепенным членом предложения (особым видом дополнения) ещё и потому, что оно, в отличие от сказуемого, «может быть выражено предложением придаточным» [10, с. 34]. Так, в предложении «Известно, что слоны в диковинку у нас» (И.А. Крылов) автор «Практических заметок о русском синтаксисе» отмечает придаточное подлежащее предложение («что слоны в диковинку у нас»), которое отвечает на вопрос: *что известно?* и которое заменяет подлежащее *диковинность* или *раритетность* (слонов) [10, с. 37].

В.В. Виноградов (1894/1895 – 1969) верно заметил, что «А.А. Дмитриевский готов считать своим единомышленником в вопросе о включении подлежащего в категорию дополнения даже А.А. Потёбно» [5, с. 293], который, по его словам, хотя и «не назвал прямо подлежащее второстепенным членом, всё-таки minimum предложения он признаёт в одном сказуемом, а не в сказуемом и подлежащем, которые составляют minimum предложения у г. Буслая и его подражателей» [10, с. 38].

Поначалу А.А. Дмитриевский был настроен оптимистически, искренне надеясь, что его идеи о предложении и «второстепенности» подлежащего будут восприняты педагогами и исследователями. Он писал: «... Мы питаем надежду, что предлагаемая нами реформа учения о предложении должна утвердиться в учебной практике. Читатель согласится, что мы не производим никакой ломки синтаксиса; мы только некоторым членам предложения указываем то надлежащее место, какое они имеют по своей природе, не вводя ни одного нового термина, а оставляя старинные, насившие названия синтаксических категорий» [10, с. 90 – 91].

Однако позднее в статье «Ещё несколько слов о второстепенности подлежащего (ответ г. Миловидову)» А.А. Дмитриевский уже не строит иллюзий относительно того, что его идея об отнесении подлежащего к второстепенным членам предложения, а точнее – к главной разновидности дополнения, найдёт большое число последователей. Он пишет: «Я уверен даже, что и многие педагоги ... долго будут чтить подлежащее как бога-громовника, главного и единственного громовержца сказуемого. Ну и благо им!» [9, с. 27]. Автор «Практических заметок о русском синтаксисе» подчёркивает, что многие научные заблуждения жили века и тысячелетия, но теперь в них никто не верит. В качестве примера он приводит историю такого открытия, как вращение нашей планеты вокруг Солнца (открытие гелиоцентрической системы Николаем Коперником), хотя до этого считалось, что Солнце вращается вокруг Земли (геоцентрическая система Птолемея) [9, с. 27]. Другим заблуждением, по мнению А.А. Дмитриевского, является наивная вера простого народа в то, что гром возникает тогда, когда «Илья-пророк катается на огненной колеснице», хотя «причина ... кроется в электричестве» [9, с. 27].

Взгляд А.А. Дмитриевского на подлежащее как на второстепенный член предложения (дополнение) стал поводом для дискуссии, основные материалы

⁶ Следует отметить, что на синонимическую замену «личных оборотов безличными» до А.А. Дмитриевского обращал внимание ещё Ф.И. Буслая (подробно см. [4, с. 384–386]).

⁷ В русском языкознании XIX века термин «этимология» употреблялся в значении «морфология». В современной лингвистике под этимологией понимают раздел науки о языке, изучающий происхождение слов.

которой были опубликованы в виде статей в «Филологических записках». Мнения их авторов разделились. Некоторые участники спора о подлежащем полностью согласились с А.А. Дмитриевским. Среди них оказался редактор-издатель этого журнала А.А. Хованский (1814–1899), который в своей статье «Два слова о забытом грамматическом разборе (К статье г. Дмитриевского)» (1878) отмечал, что «в членах предложения группируются не около подлежащего, а около сказуемого, которое ... есть одно только главное слово в предложении» [22, с. 29–30]. Другим сторонником А.А. Дмитриевского стал преподаватель словесности из города Темир-Хан-Шура (ныне город Буйнакск в Дагестане) А.В. Барсов, опубликовавший статью «О частях предложения в связи с рассмотрением некоторых этимологических форм» (1880) [2, с. 14].

Противником А.А. Дмитриевского в вопросе о синтаксическом статусе подлежащего выступил учитель Орловской мужской гимназии Г.А. Миловидов, который в статье «Второстепенный ли член предложения подлежащее? (Заметка на «Заметки» г. Дмитриевского)» (1878) писал, что «хотя предложение не есть логическое суждение и подлежащее не есть логический субъект, однако роль его в предложении далеко не такова, какую хочет признать за ним г. Дмитриевский» [14, с. 14–15]. Г.А. Миловидов выдвигает против «второстепенности» подлежащего ряд аргументов.

Суть первого возражения состоит в том, что в предложениях типа «Собака лает» выделенные подлежащие – «причина, виновники, творцы своего сказуемого», которое «явилось благодаря желанию» одной ползать, другой полетать и третьих пошуметь. Вот почему «подлежащее больше, чем дополнение», поскольку «его отношение к сказуемому *причинное*, а не дополнительное» [14, с. 15]. По мнению Г.А. Миловидова, грамматическое предложение отличается от логического суждения тем, что «там (в логическом суждении – Н.К.) подлежащему приписывается признак мыслящим умом, придаётся ему отвне для него», «здесь же (в грамматическом предложении – Н.К.) признак производится самим подлежащим», которое представляет собой «предмет *действующий*» [14, с. 15].

А.А. Дмитриевский в ответной статье «Ещё несколько слов о второстепенности подлежащего (ответ г. Миловидову)», соглашаясь со своим оппонентом, что в предложениях типа «Собака лает» выделенные подлежащие «причина, виновники, творцы действия, выражаемого сказуемым» [9, с. 18], всё же полагает, что данный факт не доказывает господства подлежащего в предложении. В предложениях «Собака лает на вора», «Птица летит от охотника», «Ученики шумят без учителя» подлежащие («собака», «птица», «ученики») не «единственные виновники» действия, обозначенного в сказуемом, поскольку «вор ведь не меньше, если не больше собаки виновник лая; охотник, а не одно желание птицы причина её полёта; нехорошо, что шумят ученики, да и учитель не безвиновен, если оставил

учеников одних» [9, с. 18]. По мнению А.А. Дмитриевского, подлежащее как главный тип дополнения имеет «причинное отношение» к сказуемому наряду с другими разновидностями дополнения, так что аргумент Г.А. Миловидова не убеждает, что подлежащее – иерархическая вершина предложения.

Формулируя второе возражение, Г.А. Миловидов замечает, что в современном русском языке господствующим типом является двучленное предложение, состоящее из подлежащего и сказуемого, а одночленные предложения (безличные) – «тип предшествующего периода языка» [14, с. 14]. Наличие последних в современном русском языке, как полагает Г.А. Миловидов, не доказывает, что подлежащее является дополнением, поскольку такие предложения «археологические памятники седой старины», «когда деятельность и предмет были в безразличной совокупности, в неразрывном единении» [14, с. 15]. По мысли Г.А. Миловидова, «язык то же, что земная толща в геологии»: «и там, и здесь пласты, памятники переворотов и моменты развития» [14, с. 15–16]. Безличные предложения, которые встречаются в современном русском языке, «не уменьшают и не изменяют значения подлежащего в предложении, как не уменьшается значение сказуемого от того, что есть предложения и без сказуемых», «например, дитя видит жука и кричит: «Жук!», «Жук!» [14, с. 16]. В синтаксических конструкциях типа «На Тверскую!», «На почту!», «В город!», по мнению Г.А. Миловидова, есть только обстоятельства, в которых заключается «целое предложение»⁹ [14, с. 16].

А.А. Дмитриевский в упомянутой статье «Ещё несколько слов о второстепенности подлежащего (ответ г. Миловидову)» доказывал, что тип безличного предложения «не погребен» «под развалинами бесчисленных переворотов языка, а, являясь живым, неумирающим свидетелем всей истории языка, и ныне живёт себе не только подобру-поздорову, но и лучше прежнего» [9, с. 16–17]. Вот почему круг употребления безличных предложений «не сузился, а расширился, расширяется и будет расширяться», и такой тип русского предложения «умрёт разве только вместе с языком» [9, с. 17].

Третье возражение Г.А. Миловидова содержит мысль о том, что подлежащее не является дополнением, так как косвенные падежи дополнения имеют «своё специальное окончание», «свою падежную форму», тогда как именительный падеж подлежащего «не имеет такого окончания, а стало быть, не имеет и формы падежа», поскольку «все его окончания суть родовые, т.е. окончания словообразовательные, а не падежные» [14, с. 16]. Другими словами, подлежащее, как считает Г.А. Миловидов, является главным и независимым членом предложения, который «не может отправлять функции дополнения, так как этимологическая форма его (подлежащего – Н.К.), именительный падеж, не имея специального падежного окончания, собственно не падеж и не имеет ничего общего со склонением» [14, с. 16].

Г.А. Миловидов полагает, что «почти во всех арийских языках подлежащему – первое место в предложении», поскольку «в нём действующая си-

⁸ Г.А. Миловидов напечатал в журнале «Филологические записки» ещё две статьи – «Значение и этимологическая форма подлежащего (практическая заметка)» (1879) и «В дополнение к заметке о значении и этимологической форме подлежащего» (1879). В последней из них он также полемизировал с А.А. Дмитриевским по вопросу о функциях, значениях и грамматическом выражении подлежащего в русском языке.

⁹ А.А. Дмитриевский наблюдал в номинативных предложениях типа «Зима», «Вот и снег» процесс поглощения сказуемого в подлежащем, а в предложении «С чужого коня сбодя грязь долой» он видел поглощение сказуемого в обстоятельстве места [10, с. 49].

ла, причина, душа сказуемого, которое без подлежащего есть что-то мёртвое, неподвижное, окаменелое» [14, с. 16].

Другим оппонентом А.А. Дмитриевского в дискуссии о синтаксическом статусе подлежащего стал академик Я.К. Грот (1812 – 1893), опубликовавший в журнале «Филологические записки» статью «К вопросу о значении подлежащего в предложении» (1880). В ней он высказывает несколько возражений против «второстепенности» подлежащего. По мысли Я.К. Грота, А.А. Дмитриевский «смешивает житейские условия и логические отношения с грамматическими», когда рассуждает о «виновниках действия» в предложениях «Собака лает на вора», «Птица летит от охотника», «Ученики шумят без учителя» [8, с. 374] (см. подробно [9, с. 18]). Я.К. Грот полагает, что автор «Практических заметок о русском синтаксисе» доходит до абсурда, когда отмечает, что сказуемое управляет подлежащим и одновременно согласуется с ним [8, с. 374–375].

Кроме того, Я.К. Грот, соглашаясь в целом с А.А. Дмитриевским, что в предложении «Известно, что слоны в диковинку у нас» (И.А. Крылов) мы имеем придаточное подлежащее [10, с. 37], всё же несколько иначе объясняет эту синтаксическую конструкцию. В ней, по его мнению, придаточная часть является «определением или пояснением, развитием подразумеваемого подлежащего, заключающегося в указательном местоимении *то*» [8, с. 375]. Я.К. Грот считает, что в подобных случаях «мы имеем ... дело с особенной категорией придаточного предложения, на которую в нашем синтаксисе ещё не было обращено достаточное внимание, но которая требовала бы основательного разъяснения» [8, с. 375].

В итоге Я.К. Грот делает вывод о том, что А.А. Дмитриевскому так и не удалось «вытеснить утверждённое веками понимание подлежащего» [8, с. 376]. Академик жалеет, что «некоторые дельные замечания, рассеянные в его [Дмитриевского – Н.К.] статьях, заслоняются таким крупным парадоксом, который неминуемо подрывает доверие ко всему его труду» [8, с. 376].

Итак, иерархической вершиной (доминантой) предложения А.А. Дмитриевский признал сказуемое, которому, по его мнению, грамматически подчинены второстепенные члены, среди которых оказались и подлежащее. Такой крайний вербоцентризм основывается не на субъектно-предикативной логике (классическая логика), а на логике отношений, предполагающей, что центральным компонентом высказывания является предикат, и противопоставляющей не компоненты суждения (субъект и предикат), а «компоненты структуры ситуации, с которой соотносится суждение – субстанции и отношения между ними» [21, с. 13].

А.А. Дмитриевский «разжаловал» подлежащее в дополнение. Подобное мнение, по словам В.В. Виноградова, «не привилось в русском синтаксисе», став лишь знаменем времени, проявлением «борьбы с традиционными схемами формально-логической грамматики» [5, с. 294]. Автор «Практических заметок о русском синтаксисе» ошибочно уравнивает именительный падеж подлежащего с косвенными падежами дополнения только на том основании, что первое и второе имеют общее субъектное значение (Ср.: «Я не сплю» и «Мне не спится»), что подлежащее и дополнение являются «виновниками действия», обозначенного в сказуемом («Птица летит от охотника»). А.А. Дмитриевский, приводя подобный аргумент, отождествляет логику и грамматику. Дело в том, что грамматическое подлежащее не всегда имеет субъектное значение. Так, в предложении «Дом строится рабочими» подлежащее *дом* обозначает объект действия, а косвенное дополнение *рабочими* – субъект действия. Традиционная грамматика не квалифицирует последнее как подлежащее, которое в русском языке имеет специальную морфологическую форму – имя существительное в именительном падеже. Ещё А.А. Потёбня писал, что смешивать подлежащее с дополнением – «это всё равно, как если бы сказать: вот палец счётом один, а вот свечка тоже одна, следовательно, что палец, что свечка – всё едино» [17, с. 80]. В этом случае «мы узнаём не то, что такое палец и что свечка, а то, что разные вещи можно считать за единицу, которая всегда всегда равна себе» [17, с. 80].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Барсов, А.В. О частях предложения в связи с рассмотрением некоторых этимологических форм [Текст] / А.В. Барсов // Филологические записки. – Воронеж, 1880. – Выпуск II. – С. 1–14.
3. Богданов, В.В. Опыт классификации минимальных синтаксических сегментов [Текст] / В.В. Богданов // Вопросы общего языкознания. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1965. – С. 3–25.
4. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
5. Виноградов, В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потёбни и Фортунатова) [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Издательство Московского университета, 1958. – 400 с.
6. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная [Текст] / А.Х. Востоков. – 12-е изд. – СПб. : Издание книгопродавца Д.Ф. Фёдорова, 1874. – 216 с.
7. Головин, Б.Н. Введение в языкознание: учебное пособие для филологических специальностей университетов и педагогических институтов [Текст] / Б.Н. Головин. – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1977. – 311 с.
8. Грот, Я.К. Труды. Том II: Филологические разыскания (1852–1892) [Текст] / Я.К. Грот. – СПб. : Типография Министерства Путей Сообщения, 1899. – 941 с.
9. Дмитриевский, А.А. Ещё несколько слов о второстепенности подлежащего (ответ г. Миловидову) [Текст] / А.А. Дмитриевский // Филологические записки. – Воронеж, 1878. – Выпуск VI. – С. 15–27.
10. Дмитриевский, А.А. Практические заметки о русском синтаксисе : монография [Текст] / А.А. Дмитриевский. – 2-е изд. – М. : Типография Н.В. Любенкова, 1882. – 91 с.

11. Касевич, В.Б. Элементы общей лингвистики [Текст] / В.Б. Касевич. – М. : Наука, 1977. – 183 с.
12. Корнилов, Н.В. Полузабытые страницы истории отечественного языкознания: А.А. Дмитриевский [Текст] / Н.В. Корнилов // Языковые значения, формы и категории : сборник научных статей к 80-летию профессора Владимира Ивановича Фурашова. – Владимир : Транзит-ИКС, 2015. – С. 120–129.
13. Лекант, П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учебное пособие [Текст] / П.А. Лекант. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 2004. – 247 с.
14. Миловидов, Г.А. Второстепенный ли член предложения подлежащее? (заметка на «Заметки» г. Дмитриевского) [Текст] // Филологические записки. – Воронеж, 1878. – Выпуск V. – С. 14–18.
15. Перевлесский, П.М. Начертание русского синтаксиса, изданное Петром Перевлесским [Текст] / П.М. Перевлесский. – 2-е изд., попр. и доп. – М. : Университетская типография, 1848. – 206 с.
16. Поспелов, Н.С. О некоторых синтаксических категориях [Текст] / Н.С. Поспелов // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М. : Наука, 1969. – С. 299–301.
17. Потехня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I. Введение. [Текст] / А.А. Потехня. – Воронеж : Типография Н.Д. Гольдштейна, 1874. – 157 с.
18. Распопов, И.П. Сказуемое как конструктивный центр предложения [Текст] / И.П. Распопов // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л. : Наука, 1975. – С. 162–168.
19. Современный русский язык : учебник для филологических специальностей университетов [Текст] / под редакцией В.А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 800 с.
20. Сухотин, В.П. Проблема словосочетания в современном русском языке [Текст] / В.П. Сухотин // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. академика В.В. Виноградова. – М. : Учпедгиз, 1950. – С. 127–182.
21. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса [Текст] / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
22. Хованский, А.А. Два слова о забытом грамматическом разборе (к статье г. Дмитриевского) [Текст] / А.А. Хованский // Филологические записки. – Воронеж, 1878. – Вып. VI. – С. 28–30.
23. Холодович, А.А. Проблемы грамматической теории [Текст] / А.А. Холодович. – Л. : Наука, 1979. – 304 с.
24. Храковский, В.С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века [Текст] / В.С. Храковский // Грамматические концепции в языкознании XIX века. – Л. : Наука, 1985. – С. 124–180.
25. Храковский, В.С. Проблема доминанции членов предложения и система абстрактных синтаксических структур [Текст] / В.С. Храковский // Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М. : Наука; Главная редакция восточной литературы, 1969. – С. 187–200.